

Пименов Юрий
(выставка к 100-летию
рождения).

13 № 3

Вечный дождь

Выставка к 100-летию Юрия Пименова

Коммерсантъ. — 2003. — 13 нояб. — с. 21.

дата ЖИВОПИСЬ

В Музее современного искусства на Покровке (музей Церетели) проходит выставка, посвященная столетию художника Юрия Пименова. На ней побывал корреспондент „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Выставку к 100-летию нельзя назвать особенно представительной. Она занимает три зала и небольшой предбанник, в котором развешаны театральные работы художника, вещи на ней собраны достаточно случайно (есть работы из ГТ и из частных собраний), главные работы Пименова, в том числе знаменитая «Новая Москва» с девушкой за рулем, едущей в дождь мимо гостиницы «Москва» и нынешней Госдумы, отсутствуют. Четкой концепции или хотя бы стремления представить творчество в хронологической полноте на выставке тоже нет.

Судьбу Юрия Пименова принято рассматривать как доказательство преемственности между 20-ми и 60-ми годами, двумя советскими «оттепелями». В 20-е один из создателей Объединения художников-станковистов (ОСТ) Юрий Пименов создал своеобразный вариант советского стиля с нервными и острыми фигурами, постоянно движущимися то в спортивном, то в трудовом деле, как-то по-американски подтянутыми и деловыми и вместе с тем по-пролетарски обобщенно изможденными. Эти люди, деловито устремленные в несколько апокалиптическое, если судить по лицам и фигурам, будущее, пропали у него к концу 30-х, а потом вновь появились в хрущевское время, приобретя известный оттепельный лиризм. Что и тогда, и позднее в советских книжках рассматривалось как своего рода художественный аналог «возвращения к ленинским принципам», а также как дока-

зательство того, что нежесткий вариант авангарда вполне способен стать стилем социалистического реализма с человеческим лицом.

Надо сказать, это довольно забавный художник. Как любой персонаж из 20-х годов, он захвачен идеями движения и непостоянства мира, и метафорой этого постоянно движения у него выступает дождь. Наверное, ни один другой мастер не был так последовательно увлечен темой плохой погоды, как Пименов. У него даже греческие божества находят в своей засушливой Элладе какую-то серую мокреть и бегут среди заросших осокой болот по своим божественным делам («Бег Атланты», конец 1960-х годов). Франция и Греция, Венеция и Прага, дача в Вострякове и Соборная площадь Кремля — любое место представит в его работах в момент смывания проливным ливнем, когда само их существование оказывается отчасти под вопросом. При чем решающимся не в положительную сторону — сейчас смеет окончательно.

С другой стороны, если внимательно взглядеться, то обнаружится, что в этом крайне неустойчивом мире он ищет сюжеты, связанные с какой-то стабильностью и тихим счастьем. В его картинах есть даже что-то голландское. Тихий уют натюрморта. Объяснение между влюбленными, поцелуй, дама с собачкой, бутылки с молоком. Даже эта самая девушка с картины «Новая Москва» сидит за свои рулем в дождь так, как сидели, глядя в окно, девушки XVII века на картинах малых голландцев — с ощущением радостного уюта. Острота ситуации заключается в том, что разговор между влюбленными происходит на стройке среди каких-то отвратительных бетонных колец, на натюрморте изображается мусорное ведро с консервной банкой из-под шпрот, бу-

тылки с молоком стоят в мерзких проволочных ящиках, дама с собачкой («Портрет дочери») одета в какие-то востроносые кеды и сейчас, видимо, побежит по болотам, а поцелуй происходит в новостройке где-то на окраине Москвы, среди связанных веревками книг и ни в какое дальнейшее счастье перейти не может.

Видимо, это соединение в советское время чрезвычайно располагало людей к художнику, поскольку доказывало, что тихого благополучия можно достичь и в условиях мира, смываемого потоком воды. Но сейчас это живописание голландских радостей в эпоху всемирной слякоти производит впечатление горькой карикатуры. Особенно показательна в этом смысле картина «Кварц», где дама, восходящая к «Даная», лежит под двумя мощными кварцевыми лампами. В принципе можно найти в сегодняшнем мире и «Даная», только простыни будут мокрые и серые, тело рыхлое и больное, а свет — с электрической синевой, от кварцевой лампы.

Я бы сказал, что художник Пименов является прекрасным доказательством провидческой природы русского пейзажа конца XIX — начала XX века, о которой много говорили в связи с художником Левитаном. Как известно, главным сюжетом этого пейзажа был дождь: «После дождя», «Перед дождем», «Набухло», «Набрякло» и т. д. Дождливых пейзажей было так много, что это вызвало даже известное охлаждение публики к пейзажу, потому что, в конце концов, что хорошего может быть в стране, где такая ужасная погода? Юрий Пименов удачно показал — ничего хорошего. Этот дождь перерастет в серые потоки революционных преобразований, и даже романтические мечты о тихом частном счастье окажутся форменной карикатурой.